

Указующий перст балета

Израильский хореограф Итцик Галили считает, что мир спасут женщины

Майя Крылова

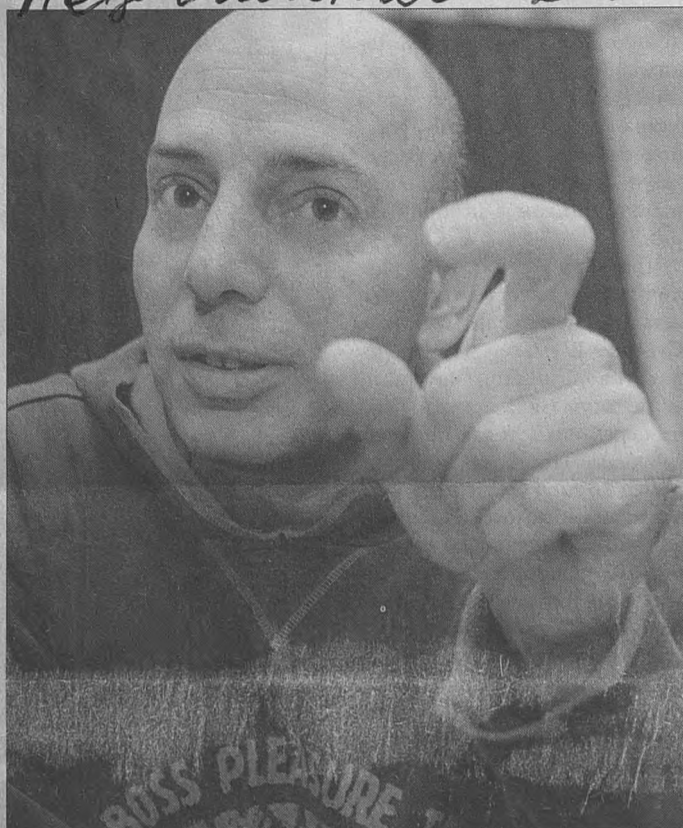
Уроженец Тель-Авива Итцик Галили давно живет и работает в Нидерландах: гастролы его танцевальной компании «Галили данс» закрывали программу Московского международного фестиваля современного танца «DanceInversions». Западные критики пишут, что балеты Галили наделены свойством «апеллировать к широким массам, в то время как темы, к которым он обращается, раскалывают мозг». В Москву израильский хореограф привез спектакль «Во имя всего святого» – антивоенный манифест, после которого, по замыслу постановщика, у зрителей должен возникнуть протест против насилия.

Недавнее предложение поставить спектакль, полученное Галили из Парижской оперы, свидетельствует о том, что социально окрашенный танец становится все более востребованным в мире. Художественная отвага Галили, сознательно ступающего на неблагодарную стезю агитационного искусства, заинтересовала обозревателя «НГ»: вдруг хореограф из голландского Гронингена знает секрет – как совместить пропаганду с художественным качеством?

Господин Галили, название вашего спектакля наводит на мысль о выполнении социального заказа, добровольно взятого вами на себя.

– Это балет о том, что насилие делает с людьми. Это указующий перст, направленный на любое общество, где насилие торжествует. Война не показана буквально. Напрямую задействованы только ваши чувства. И я говорю, что каждый человек должен искать в себе вторую сторону. Приведу пример. Этим балетом мы завершали большой театральный фестиваль в Германии. После спектакля нас пригласили на ужин немецкие студенты. Вдруг встает какая-то женщина и со слезами в голосе говорит: ваш спектакль – про израильская точка зрения. В ее речи слышался арабский акцент. А с другой стороны встает мужчина, тоже очень расстроенный, и произносит абсолютно противоположную вещь, что-то о моем сочувствии палестинцам. Каждый из них слышал только себя, болел только своей болью. Эти люди мыслили односторонне и не чувствовали агонии всего общества. Мне бы хотелось расширить такое узкое мышление.

– Вы поставили программно антивоенный спектакль, вы делаете манифест, вы агити-

Ставя очередной бессюжетный спектакль, Итцик Галили, по его признанию, словно капает каплю воды в уже полную чашку.

Фото Артема Чернова (НГ-фото)

руете. Не мешает ли это собственно танцу и вообще искусству?

– Когда вы делаете что-то с большим чувством и очень верите в свою работу, можно достигнуть даже не двух целей, о которых вы упомянули, – лозунг и художественное качество, но попасть и в третью цель: метафорически раскрыть внутренний мир художника. Чего я точно не могу сделать, так это добраться до зрительского внутреннего мира. Но я могу попытаться задействовать ваши эмоции и ваш интеллект. Я как бы протягиваю руку и вытаскиваю вашу душу наружу, чтобы вы попробовали взглянуть на себя со стороны.

– Получается, что израильские хореографы фактом своего рождения как бы обречены на политизированное искусство.

– Премьера балета состоялась через месяц после событий 11 сентября в Америке, и некоторые журналисты написали, что наш спектакль – это конъюнктурный отклик ради наживы. Вот это самое ужасное, когда возникают такие версии.

Поверьте, в Израиле хореографы ставят совершенно по-другому, не так, как я. Мой балет – это глубоко личная работа, не инспирированная никаким абстрактным долгом, не производная от моих генов. Я вообще не люблю, когда в разговоре об этом спектакле меня упоминают как израильского хореографа. «Во имя всего святого» – постановка, в принципе отвлеченная от палестинского кризиса, и место действия не имеет буквального значения. Вы можете думать о Балканах, где бушевала ужасная война, или о ситуации в Стране Басков в Испании.

– Какие требования вы предъявляете своим танцовщикам?

– Их техника должна быть высочайшей, прежде всего не в ногах, а в их головах. Их танец должен казаться диким, неприрученным. Мне все равно, откуда они пришли ко мне – из какой-то престижной компании или с улицы.

– Кто ваш потенциальный зритель? Те, кто против войны, – они уже против, их агити-

ровать не надо. А «ястребов» и фанатиков балетом не примешь.

– Конечно, я не думаю, что могу дать людям больше, чем они хотят получить.

– Но вы всерьез думаете, что искусство может покончить с насилием?

– А вы считаете, что политики могут это сделать? Лично я верю, что в этом могут помочь женщины. Чем больше их будет стоять у власти, тем лучше может стать наш мир. Женщины относятся друг к другу с большим сочувствием, чем мужчины. Когда женщина достигает какого-то высокого положения в обществе, почти всегда это ее личная заслуга, в то время как мужчины часто делают карьеру с помощью насилия. Но все, что я сейчас сказал, не направлено против

мужчин и не должно оскорблять мужское самолюбие.

– Есть такая расхожая фраза: «Когда говорят пушки, музы молчат». Вы согласны с этим?

– Первый раз слышу такое выражение. Но я сам был солдатом. Молодежь на войне не так боится смерти, как старшие, потому что мальчишкам и девочкам трудно вообще представить свою кончину. Но при всем том мы с товарищами постоянно изобретали какие-то шутки с черным юмором. Нас спасал цинизм, им мы отгораживались от войны. В этом смысле ваша фраза права. Но мой случай демонстрирует и обратное: работа мысли не прекращается никогда.

– Для антивоенного балета нужен специальный хореографический язык?

– Вы не можете оценить по достоинству первый поцелуй, пока вы не испытаете второго. То же самое можно сказать о танцевальных языках. В природе людей все разделять на категории, но про меня трудно сказать что-то окончательное. От спектакля к спектаклю я каждый раз меняюсь. И если бы я писал книги, они каждый раз выходили бы под разными именами. Мы похожи на доктора Джекила и мистера Хайда из повести Стивенса, у нас у всех несколько личин. И разнообразные хореографические языки помогают раскрывать эти личины. У меня был такой случай. Я работал в Национальном балете Нидерландов, и там меня попросили сделать абстрактный балет на

Я не могу добраться до внутреннего мира зрителя, но я могу задействовать его интеллект

туантах: «Ты, Итцик, очень многогранный, можешь сделать все что угодно». Я согласился, но делал эту работу с внутренним ироническим безразличием. Ставя очередной бессюжетный классический балет, я чувствовал, что становлюсь похожим на человека, который капает каплю воды в чашку, уже полную до краев. В этой работе я начисто проигнорировал свой внутренний мир, не вкладывал никаких чувств, просто ставил спектакль, в котором никто не допрашивается до пола, а танцовщики не касаются друг друга. Это было чисто архитектурное освоение расстояния и пространства. Но вот парадокс! Результат мне очень понравился. Если так получаются шедевры, то я согласен еще не раз уйти от себя.

– Вы считаете, что политики могут это сделать? Лично я верю, что в этом могут помочь женщины. Чем больше их будет стоять у власти, тем лучше может стать наш мир. Женщины относятся друг к другу с большим сочувствием, чем мужчины. Когда женщина достигает какого-то высокого положения в обществе, почти всегда это ее личная заслуга, в то время как мужчины часто делают карьеру с помощью насилия. Но все, что я сейчас сказал, не направлено против

– Но вы всерьез думаете, что искусство может покончить с насилием?

– А вы считаете, что политики могут это сделать? Лично я верю, что в этом могут помочь женщины. Чем больше их будет стоять у власти, тем лучше может стать наш мир. Женщины относятся друг к другу с большим сочувствием, чем мужчины. Когда женщина достигает какого-то высокого положения в обществе, почти всегда это ее личная заслуга, в то время как мужчины часто делают карьеру с помощью насилия. Но все, что я сейчас сказал, не направлено против

туантах: «Ты, Итцик, очень многогранный, можешь сделать все что угодно». Я согласился, но делал эту работу с внутренним ироническим безразличием. Ставя очередной бессюжетный классический балет, я чувствовал, что становлюсь похожим на человека, который капает каплю воды в чашку, уже полную до краев. В этой работе я начисто проигнорировал свой внутренний мир, не вкладывал никаких чувств, просто ставил спектакль, в котором никто не допрашивается до пола, а танцовщики не касаются друг друга. Это было чисто архитектурное освоение расстояния и пространства. Но вот парадокс! Результат мне очень понравился. Если так получаются шедевры, то я согласен еще не раз уйти от себя.